

Проф. д-р Йозеф М. Шмидт (Германия)

Доказательства и преимущества гомеопатии — пересмотренные и переосмысленные

*68-й Конгресс Международной медицинской гомеопатической
лиги, Кито, Эквадор, 4–7 июня 2013 г.*

<http://www.homeoint.ru/homeopathy/essence/schmidt4.htm>

Введение

Многие практикующие гомеопаты, совершенствуя свое профессиональное мастерство, возможно, заметили, что без добротной теории легко потеряться в сложном мире сбивающих с толку явлений. Ганеман, закладывая основы гомеопатии двести лет назад, сам находился в подобной ситуации: он должен был заменить царствовавший в медицине разброд учений новой рациональной и полезной медицинской теорией.

Точно так же мы призваны сегодня преодолеть недостатки нашей системы здравоохранения с помощью полноценной критической теории — однако не только на медицинском уровне, но и с позиции теории познания, социологии и экономики.

В свое время Ганеман мог ограничиться обсуждением медицинских вопросов в рамках сравнительно однородного профессионального сообщества, но в наши дни традиционные представления распались под натиском крупных социально-экономических преобразований. Например, хотя сегодня все стремятся к "доказательности" и "высокому качеству" и говорят о них, эти понятия используются, правильно и неправильно, по-разному людьми, имеющими антагонистические интересы. Ныне главная задача — распутать это хитросплетение понятий.

Поступая аналогично тому как поступал Ганеман, мы можем (1) сначала описать и проанализировать современное состояние дел, (2) затем попробовать по симптомам найти ядро, сущность, или суть дела (по Ганеману, "основной миазм"), и (3) наконец, обдумать стратегию лечения и оценить шансы на выздоровление.

Из-за нехватки времени можно только в общих чертах выделить некоторые основные проблемы и парадоксы и дать предварительные советы в отношении аргументации, которая призвана помочь с ними сразиться и, возможно, их победить. Дальнейшие объяснения и уточнения можно найти в моих опубликованных работах и будущих исследованиях по этой теме, которые еще предстоит выполнить.

1. Анамнез

С позиции гомеопата, история и достижения гомеопатии могут показаться весьма значимыми и успешными: двухсотлетнее существование, распространение по всему миру, исцеление миллионов пациентов от всех видов болезней, организационное оформление, профессионализация, научные исследования и т. д. С позиции оппонентов, однако, гомеопатия за двести лет не смогла доказать свою научность и, таким образом, продемонстрировала, что ее утверждения необоснованы, а результаты не отличаются от эффекта плацебо.

Один из самых ярких парадоксов в *истории медицины* заключается в том, что "доказательства" эффективности и "совершенства" гомеопатической практики, на которые ссылаются гомеопаты, современными так называемыми скептиками оцениваются как случайные успехи, магические или сверхъестественные, но, во всяком случае, не как научное излечение. Чтобы избежать ошибок и мощничества в медицине, необходимо располагать определенной критической оценкой и контролем над терапевтическими действиями и их успехом. Однако в настоящее время преобладающим стандартом оценки научности медикаментозной терапии, принятым под названием доказательной медицины, совершенно очевидно не хватает критериев для понимания и оценки достижений гомеопатии. Это слепое пятно в категориальной концепции доказательной медицины может быть проиллюстрировано несколькими примерами.

Как отмечает Андре Сэн в своей работе "Весомость доказательств. Чрезвычайный успех гомеопатии во время эпидемий", которая скоро будет опубликована, существует статистика, содержащая более 7000 ссылок и собранная из более чем 25 000

источников в гомеопатической литературе, которая демонстрирует, что гомеопатическое лечение во время эпидемий в течение последних 200 лет постоянно сопровождалось очень низким уровнем смертности (почти всегда ниже 3%), независимо от врачей, времени, места или типа эпидемических болезней, в том числе при болезнях, для которых была характерна очень высокая смертность (до 50% и больше), таких как натуральная оспа, дифтерия, брюшной тиф, желтая лихорадка и пневмония, в то время как смертность среди находящихся на аллопатическом лечении постоянно была значительно выше. Несмотря на такую обширную документацию об эффективности, низкой стоимости лечения и безопасности гомеопатии, сторонники доказательной медицины считают этот вид наблюдательных исследований просто набором случайностей, которые не являются убедительными.

Та же оборонительная стратегия используется скептиками против подавляющей массы индивидуальных сообщений об историях пациентов, описывающих быстрые совершенно неожиданные излечения, в том числе и от весьма серьезных болезней. Уже к 1840 году в Париже Давид Рот подготовил серию из девяти книг, содержащих 3 800 случаев. С тех пор число последних увеличилось, вероятно, в 50–100 раз. Примерно 10% из них документально подтверждают необыкновенные результаты, заслуживающие дальнейшего исследования (А. Сэн). Несмотря на объем и точность существующей документации, относящейся как к сообщениям о случаях, так и к современным исследованиям результатов (К. Уитт и др.), а также свидетельствующей об устойчивости и значимости эффекта гомеопатического лечения, неуступчивые сторонники "доказательной медицины" утверждают, что исследование должно быть слепым, рандомизированным и плацебо-контролируемым, и до тех пор пока какие-либо из этих требований в исследовании нарушаются, его результаты не являются надежными и убедительными, т. е. не имеют ценности.

Если же, однако, клинические исследования хорошо организованы и осуществлены в точности согласно приведенным выше требованиям, тогда, если в них получен значимый положительный результат (Фрей, Белл и т. д.), заявляется, что без независимого повторения исследования другими результаты могут быть просто случайными, и, таким образом, лишены смысла и неубедительными. Как бы ни повернулось, бремя доказательства все равно лежит на гомеопатах.

При этом для того чтобы повысить пороговую величину до бесконечной и сделать ее недостижимой для гомеопатов, так называемые научные скептики выступают за замену доказательной медицины (EBM) на более строгую концепцию научно-обоснованной медицины (SBM). В соответствии с этим, даже позитивные результаты рандомизированных клинических испытаний (RCTs) больше не считаются доказывающими что-либо, если их рациональное обоснование неправдоподобно для современных ученых. Так как скептики полагают, что гомеопатия основана на неправдоподобных принципах, таких как законы подобия, минимальных доз, миазмов и т. п., любой положительный результат любого рода будущего исследования, основанного на подобных предположениях, априори будет расценен как бесполезный и не имеющий никакого значения.

С другой стороны, если рандомизированные клинические исследования, относящиеся к гомеопатии, терпят неудачу из-за отсутствия значимого результата, те же сторонники так называемой научно-доказательной медицины соглашаются с несомненно лживым заключением мета-анализа, опубликованного в считающемся самым престижным медицинском журнале "Ланцет" в 2005 году под заголовком "Конец гомеопатии" (Шан). В этом проекте было проанализировано только восемь исследований, отнесенных авторами к гомеопатии, но ни одно из них в действительности не соответствовало принципам и практике настоящей гомеопатии, т. е. отсутствовала индивидуализация лекарств и потенций и не проводилось длительного лечения.

Этих нескольких примеров достаточно, чтобы проиллюстрировать сложное положение, в котором оказалась гомеопатия, рациональная и полезная система медицины с точки зрения ее адептов, относительно сомнительной парадигмы современной медицины, крайне враждебной к гомеопатии и невежественной относительно ее доказательств и опыта.

2. Диагностика

Истинная наука, однако, никогда не прекращает задавать вопросы. Поэтому сейчас уместно спросить: как можно объяснить такое отношение к гомеопатии, в чем его причина? Есть ли в этом какая-то система и логика?

Опираясь на знания и методы самых передовых современных наук, таких как *теория познания, квантовая физика, теория хаоса, теория систем и история науки*, сегодня можно уверенно сказать, что механистический и материалистический декартовый и ньютоновский подход не в состоянии охватить системные, нелинейные и дополнительные условия существования живых организмов.

Тем не менее конвенциональная медицина с девятнадцатого века является

редукционистской и занята вычислениями, стандартизацией и воспроизводимостью лечебных мероприятий, хотя такой чисто технический подход возник при массовом промышленном производстве, и только там он в действительности имеет смысл.

Чтобы понять связь между медициной и промышленностью, надо обратиться не только к естественным наукам, но и к социальным. *История медицины*, например, может в деталях показать, как современная традиционная медицина возникла одновременно с индустриализацией, механизацией и технологизацией всех аспектов жизни современного общества. В то же время традиционные целостные подходы были отброшены за рамки медицины.

Социология поможет сделать еще один шаг, объяснив, что все, что создает любое общество в определенной эпоху, зависит от способа коммуникации людей внутри этого общества. Процесс социализации, с одной стороны, осуществляется индивидами, а с другой стороны, он на самом деле творит, порождает и формирует своих участников. Таким образом, в соответствии с основной парадигмой социологии или способом мышления, общество может воспитывать людей, чьи ценности, идеалы и убеждения полностью отличаются от таковых в другом веке или в другой стране.

Экономика может, в свою очередь, сообщить, что деньги — не вещь, не субстанция или что-либо, имеющее ценность само по себе, а лишь форма мышления. Точнее, это форма мышления, посредством которой современные капиталистические общества осуществляют общение своих членов. Поскольку практически каждый человек подвергается такому процессу социализации с детства, и от этого процесса невозможно ускользнуть, то это (если смотреть на него с такой позиции) тоталитарный процесс, сравнимый только с первым воздействием на нас нашего родного языка, который уже существовал в устах других людей, и мы погрузились в него раньше, чем осознали, что мы учим и воспроизводим его.

Вместе с уникальной информацией других наук, таких как *социология* и *теория науки*, можно сделать вывод, что наш взгляд на мир, и особенно современный (якобы просвещенный и объективный) научный взгляд на мир, в основном сформирован нашим мышлением в рамках понятий денег, так как все наши мыслительные процессы пропускаются через этот фильтр.

История науки может убедительно доказать, что появление современного естествознания в семнадцатом веке совпало с фундаментальными социально-экономическими изменениями, вызванными ростом статуса денег как преобладающего вида мышления. Соответственно, основное отношение современных ученых к природе более не уважительно, они не стремятся жить в гармонии с ней, но склонны выведать (с помощью винтов и зажимов) ее секреты в качестве приза для себя и установить над ней контроль, поскольку деньги можно делать на открытиях, основанных на знаниях, полученных таким образом. Количественное выражение, математизация, стандартизация, воспроизводимость, материализм, позитивизм, редукционизм и проч., т. е. понятия, на которых, в сущности, основана современная конвенциональная наука, а с девятнадцатого века и современная конвенциональная медицина, не имели бы никакого смысла в современных капиталистических обществах без контекста процесса социализации в понятиях денежных отношений. Для культур аборигенов даже сегодня эти должны казаться абсурдными.

Поскольку выясняется, что деньги как форма мышления стали вместо людей настоящим главным героем истории, контролирующим и эксплуатирующим все, в том числе науку и медицину, становится ясно, почему у гомеопатии должно быть много врагов. С одной стороны, это фармацевтические компании, стремящиеся к массовому производству стандартизированных лекарственных средств, и ученые, спонсируемые этими компаниями и отстаивающие их финансовые претензии. С другой стороны, это хлынувшие на рынок новички, желающие получить прибыль от новшеств любого рода, независимо от того, являются ли эти новшества аллопатическими или натуропатическими, и презирая традиционное как соперника. Как консервативные, так и прогрессивные игроки действуют только ради денег и ни в малейшей степени не обращают внимания ни на что другое — во всяком случае, на истину в традиционном смысле, и на гомеопатию.

Чтобы понять принципиальную разницу между миром традиционным и движимым деньгами, можно обратиться к *истории философии*, которая содержит два полезных понятия, предложенных Аристотелем. Не отрицая ни в коей мере использование денег, он положительно смотрел на *ойкономику* — ограниченный обмен денег и предметов потребления, основанный на бартере и умеренности, и в то же время отвергал *хремастику*, искусство наживы ради наживы и только наживы, лишенное какого-либо другого смысла, потому что она, как утверждал Аристотель, противна природе человека.

Ганеман имел довольно близкие этим взгляды, что можно обнаружить из источников по *истории гомеопатии*. Зарабатывание денег и их трата всегда были для него только средством для обеспечения жизни его семьи, но никогда не самоцелью. И что самое важное, в противовес современной официальной медицине деньги как форма

мышления никогда не проникали в его медицинскую теорию. Ганеману повезло, поскольку ему довелось жить в то время, когда монетаризация и индустриализация еще не играли господствующей роли в его стране (Саксонии). И гомеопаты могут считать, что им также повезло, поскольку у них есть маяк, Ганеман, напоминающий всем последующим поколениям, что было возможно (и так должно быть до сих пор) найти метод исцеления, свободный от монетарного мышления.

Напротив, в современной капиталистической цивилизации основной смысл, пронизывающий все сферы жизни и культуры, наивысший стимул, цель и заслуга состоят в том, чтобы деньги оборачивались и умножались, т. е. в так называемом экономическом росте, который должен быть измерен, разумеется, ростом валового внутреннего продукта. Кроме относительно немногих людей, которые самоотверженно жили для высших идеалов и среди которых были и некоторые благородные пионеры науки и медицины, большинство людей бессознательно следуют по этому тривиальному жизненному пути.

3. Лечение

В поиске возможности распутать или даже устранить такую испорченную ситуацию, важно быть полностью осведомленным относительно извращенных условий жизни людей, характерных для современной промышленной цивилизации.

Из-за всеохватывающего господства денег люди уже не могут решать свободно и самостоятельно, что делать и чего не делать. Но так же, как вирус заставляет инфицированную им клетку включать бесконтрольное размножение злоумышленника (ради выгоды одного только вируса и за счет самой клетки и всего живого организма), именно деньги как форма мышления побуждают людей, будь они экономисты, политики или ученые, думать, действовать и рассуждать таким образом, который охраняет бесконтрольное умножение денег, а не здоровье и благосостояние работников. В этих условиях, если попавшие в ловушку и управляемые на расстоянии субъекты решают заняться наукой, они зацикливаются на отдельных науках и ограждаются от других.

Напротив, применение всех наук (как было подчеркнуто) сбалансированным и конструктивным образом может способствовать ясному и очевидному пониманию ограниченности определенных точек зрения и, особенно, их денежных причин. *История гомеопатии* сообщает, что Ганеману в процессе создания основ гомеопатии пришлось опровергать как плоский догматизм, так и произвол медицинского плюрализма, фактически выводя врачей за пределы их кругозора, и сегодня гомеопаты по-прежнему должны развивать свои дух и мужество, чтобы критиковать и вытеснять примитивные монетарные парадигмы, заменяя их более подходящими концепциями и грамотной практикой.

Теория медицины, еще одна наука, которой пренебрегают конвенциональные медицинские фундаменталисты, показала, что медицина всегда была не прикладной когнитивной наукой, а самостоятельной практической наукой. Это означает, что ее принципы и максимы никогда не могут быть проверены в лаборатории, но лишь в конкретном терапевтическом контексте. Ганеман знал об этом. Поэтому он открыто допускал, что потенцированные лекарства не действуют химически, физически, на атомном уровне, механически и т. п., тем самым признавая, что в них никогда не может быть обнаружено ничего измеримого, подобного молекулам и т. п. Но он не отчаивался от несовместимости гомеопатии с грубыми механистическими концепциями, а уверенно продолжал, и совершенствовал свое мастерство и теорию гомеопатии.

Чтобы иметь возможность не только осваивать разные науки, но и критиковать их, а также использовать сбалансированным и полезным способом, избегая при этом ловушек, расставленных ошибочными медицинскими и научными представлениями, необходимо стать мастером и в науке, и в медицине. Оценивая себя как мастера исцеления, Ганеман соединял собственную практику с многолетней традицией грамотной клинической практики, восходящей к Гиппократу. Таким образом, он оставил своим преемникам надежный пример того, как противостоять требованиям, предъявляемым гомеопатии современными представлениями о доказательствах и высоком качестве.

Вместо того чтобы тратить силы, добиваясь невозможного, то есть на переубеждение узколобых примитивных фундаменталистов от науки, гомеопаты могут продолжать идти своим путем и совершенствовать собственный способ практики и ее документации, как делал их учитель, на которого не производили впечатления возражения со стороны тех, кто абсолютно не способен или не желает видеть и оценивать то, что делают гомеопаты.

С позиции вековой истории, несомненно, кажется более чем вероятным, что нынешний золотой стандарт доказательств и оценки качества в конвенциональной медицине исчезнет, в то время как доказательства и превосходство грамотной гомеопатической практики сохранятся, тем самым еще раз доказав по-настоящему бессмертный афоризм Гиппократа "Ars longa, vita brevis" (жизнь коротка, а искусство вечно).